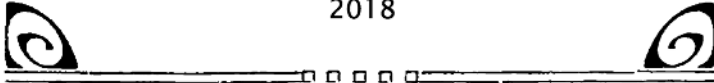

ГУБЕРНСКІЙ ДЕТЕКТИВЪ

**Ю Л И Я
НЕЛИДОВА**

**ДЕЛО
О БЮЛОВСКОМ
ЗВЕРЕ**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н49

Оформление серии *С. Курбатова*

Нелидова, Юлия.

Н49 Дело о бюловском звере : [роман] / Юлия Нелидова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Губернский детектив. Романы Юлии Нелидовой).

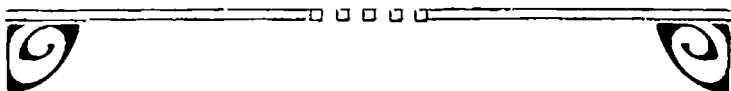
ISBN 978-5-04-089442-0

1886 год. Молодой доктор Иван Иноземцев, чудака, готовый ради эксперимента впрыснуть себе любое только что изобретенное средство, до того надоел столичной полиции своими взрывающимися склянками, что его не сегодня завтра объявят бомбистом. От греха подальше коллеги помогают ему устроиться уездным лекарем в глубинке. Только кто же знал, что и в тихой Бюловке кошмаров столько, что хватит на всю Обуховскую больницу: здесь тебе и алмазы на дне озера, и гиена-оборотень, и оживающие дамы с портретов, и полчища укушенных людоедом пациентов, для которых давно нет места на казенных койках. Но если действительность так активно подыгрывает галлюцинациям, может быть, доктор в самом деле изобрел лекарство, без которого медицине дальше не жить?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089442-0

© Нелидова Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава I

Теория случайностей

«17 июля 1886 года, 10.45 пополудни — 1 сантиграмм вещества, синтезируемого из даурицина, полученного из плодов *menispermum dahuricum*¹, на 0,5 мл раствора для инъекций.

11.15 пополудни — никаких изменений. Что ж, придется повысить дозу.

11.35 пополудни — еще 1 сантиграмм на 0,25 мл раствора.

18 июля, 0.10 пополуночи — похоже, снова безрезультатно. Плоды *menispermum* выдали чрезвычайно слабый даурицин, а синтез как будто уменьшил его терапевтический эффект. Решительно никаких изменений, даже кашель не унялся. Я имел надежду использовать свой затянувшийся бронхит для более точных показателей влияния вещества на симптоматику спазмов, к примеру астматического характера. Астму привычно выделяют в один недуг и не относят к нервным, но, по моему разумению, она есть следствие, а не причина. Следствие невротических нарушений.

0.15 пополуночи — но у растения имеются еще корневища!

0.15 пополуночи — ничего не происходит. Сдается мне, последующие опыты с луносемянником будут столь же тщетными. В топку его! Или нет, стоит сменить катализатор. Завтра попробую бромирование.

¹ *Menispermum dahuricum* — луносемянник даурский.

Вот уже несколько лет я ищу идеальное средство для восстановления утраченного равновесия химических процессов внутри человеческого организма. Простым языком — идеальную пилюлю. Пилюлю от нервных расстройств.

Нервы! (Здесь перо пробуравило в тетрадном листе целую траншею.)

Кто-то сказал, мол, нами правят нервные импульсы. Нами правит материя мозга посредством нервных волокон, подобно тому, как правит кукловод марионеткой — дернет там, дернет здесь, заставит пережить ощущения боли, волнения, страха. Материя эта столь целостна, столь совершенна, что впору ей дать определение более высокое. Философы недаром зовут ее сосредоточием души. Но порой целостность распадается, и совершенная материя ведет себя как сбежавшая от циркачей мартышка, в лапах которой нервные волокна что вожжи несущейся в пропасть колесницы.

Мне нужно большее, чем валерьяна, мята, боярышник, и менее опасное, чем опиаты, кураре и кокаин. Мне нужно то, что могло бы заменить скальпель и огромное разнообразие аптечных изысков. Одна пилюля — и все! Только одна. Средство, способное устранять любые телесно-душевные расстройства, что есть исток и причина многих болезней. Их я наблюдаю такое превеликое множество, что пора задуматься о решительном шаге в психофармакологии.

Этой дисциплины еще не существует в учебниках, но она таит в себе немало значительного для человечества.

Как, скажите, победить повсеместно царящую острую мозжечковую атаксию у детей и заднестолбовую у людей среднего возраста? А всякого рода припадки? Нервную горячку, порой возникающую без видимых причин? Бессонницу, сомнамбулизм, рассеянный склероз и прочие бульбарные синдромы? Да хотя бы мигрень, эту чуму девятнадцатого столетия! (Перо снова рвет бумагу.) Кого

ни спроси, у всех мигрень. Порой достаточно устранить нервное напряжение, чтобы избавиться от спазмов сосудов головного мозга и не доводить до поражения мозжечка, таламуса и шишковидного тела. Не доводить до паралича, эпилепсии, деменции...

То, что философы зовут душой, мы зовем химией. Смятение, страх, боль, восторг, отвращение, подавленность, эйфория суть химические реакции. Человек — передвигающаяся в пространстве химия, природный автоматон, ходячая гальваническая батарея. Органические вещества служат для нее топливом. Их можно поставлять извне, извлекая из многообразия природных ресурсов. А если пользоваться синтезированными веществами, тогда мы просто обязаны уйти дальше простых успокоительных капель и создать средство, способное обращать вспять химические процессы живой материи, менять их вектор. И я найду его, это средство. Такое, чтобы могло усовершенствовать работу органов, запустить дремлющие механизмы самоисцеления, вернуть утраченное равновесие и подарить небывалые способности.

Это прорыв в будущее. Человеку будет подвластно все! Он перестанет нуждаться в больницах и врачах, лекарствах и аптеках, богах и религиях, потому как сам станет богом, а религией ему будет служить всесильная наука.

Все полученные вещества я, разумеется, испытываю на себе. Никаких искажений, какие дают опыты с лягушками и крысами, быть не должно.

0.50 — важно: без снотворного эффекта. (Подчеркнуто дважды, перо снова рвет бумагу, кашель.) Иначе я не смогу работать.

0.55 — немного кружится голова и мутит. Два сантиметра! Но поглядим, что же будет дальше».

Иван Несторович Иноземцев уронил голову на стол. Перо черкнуло поверх строк кривую.

На небосклон выполз тонкий серпик старой луны. Город погрузился в предрассветную дрему уходящих белых ночей. Только на Фонтанке за невысокой кирпичной оградой в поперечном двухэтажном флигеле, примыкающем к длинному желтому зданию с треугольным портиком и колоннами, сиротливо горело одно окно.

В свете керосинового язычка поблескивали металлические дверцы шкафов. Стройные ряды стеклянных пузырьков, реторт, колб, тонких трубок, мензурок — ими были уставлены все столы. Где не стояла лабораторная посуда, в беспорядке громоздились кипы справочников, учебных пособий и тетрадей.

Пятые сутки Обуховская больница была единственным пристанищем Иноземцева. Днем он проводил визитации и выписывал рецепты, а ночью погружался в мир открытий и экспериментов. Ночью лаборатория принадлежала только ему.

Еще в академии, начав работу над диссертацией «О применении алкалоидов и фенолов в разного рода хирургических операциях в качестве анестезии», Иноземцев замыслил избавить мир от столь частых в его практике нервных расстройств. По природе своей он был до того впечатлительным, что не только не потерял, как всякий врач, еще к концу последнего курса всякую чувствительность, а, напротив, втайне боялся теперь обнаружить нечто страшное и неизлечимое у себя. Что, если вдруг начнутся какие-нибудь речевые нарушения или он не сможет владеть конечностями, а то и мыслями? Тогда ведь придется сменить белый халат на больничную пижаму!

Нет, нужно найти средство от этого прежде, чем все это случится!

Однако практика и опыты укрепили его. Страх очутиться в доме для умалишенных сменился страстью проникнуть в подсознание человека. Темные пятна в медицине манили, заставляли сердце трепетать от близости

великих открытий в сфере психофармакологии — термин, случайно им выдуманный, но весьма заинтересовавший профессоров академии.

Благодаря именитой фамилии и рекомендациям учителей Иноземцев начал карьеру сверхштатным ординатором. Отцу, члену Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, владельцу крупной аптеки в Выборге на Торкельской, не пришлось пускать в ход связи — сына и без протекции приняли в IV хирургическое отделение, пообещав перевести в штатные хирурги по прошествии года.

Это позволило молодому человеку не только присовокупить пару сотен рублей в год к тем пятистам, что высылала отец с матерью, но и заполучить место для проведения опытов, о котором ранее он не смел и мечтать.

Скажем прямо, это удалось не сразу. На громаднейшую больницу приходилось весьма скромное помещение при аптеке, отведенное под лабораторию. Находилось оно довольно далеко от IV отделения — на нижнем этаже главного здания больницы. Заведовал аптекой вредный и скаредный старикашка-провизор. С первого взгляда невзлюбил тот Иноземцева, часто навевывавшегося в аптеку с невообразимыми целями. Оно и понятно почему: то ординатор подожжет что, то кислотой зальет стол. И нос совать любил совсем некстати, мог ненароком раскрыть страшную тайну — аптекарь приворовывал дорогостоящий хинин, мешая его с меловой крошкой.

Но с нового года больницу облагодетельствовало городское общественное управление, и волна перемен накрыла старую добрую Обуховку. Ладно, больных стали кормить не на 10 копеек в сутки, а на целых 17, так ведь и это не все. Библиотекой обзавелись, новыми инструментами, закупили микроскопы иммерсионной системы для бактериологических исследований — шесть штук. Один отрядили в хирургию. Ввиду такого события не жаль было и помещение организовать.

Выбрали то, что располагалось за стеной операционной. В организации будущей лаборатории Иноземцев принял самое горячее участие. На свои кровные скупал необходимый инвентарь, книги, даже раздобыл особого вида горелку — шведскую паяльную лампу. На чудо-лампку, извергающую пламя, будто дракон, поглядеть приходила вся больница. Но заведующий IV отделением доктор Ларионов был лампой-драконом чрезвычайно недоволен, велел ее тотчас из больницы убрать. Да и не упускал случая осадить сверхштатного ординатора.

— Это хирургическое отделение, а не потешные полки, — ворчал он. — У нас и операционной толком нет, закуток какой-то, по которому шныряют то и дело с ведрами и дровами. Хоть бы огородили лестницу! А вы здесь устроили...

Но Иноземцев упорно старался завоевать расположение Ларионова, молил разрешить вернуть горелку, клялся, что о его безобидных опытах не узнает ни одна живая душа, работал рук не покладая, и, пользуясь ночными дежурствами, порой оставался до самого утра. Все это время приходилось перегонять реактивы в собственной комнате, которую он снимал на набережной Мойки у одной вдовы, владевшей несколькими квартирами на предпоследнем этаже. Вдова стойко сносила запахи, невероятный треск, который производил дьявольский аппарат, со слезами оглядывала дыры в обивке, изъеденные кислотой шторы, выслушивала жалобы жильцов — но продолжала позволять все эти бесчинства, тревожась больше за здоровье квартиранта, чем за безнадежно испорченную меблировку.

— Он подожжет дом! Бомбист, революционер! — кричали жильцы. А Иноземцев старался проскочить мимо, когда встречал кого из недовольных на лестнице, и делал вид, что это вовсе не он.

Молодая хозяйка оказалась провидицей: последний опыт Иноземцева закончился пожаром. Драконова горелка перегрелась, и случился взрыв.

К счастью, ординатор отделался парой легких ожогов. Он более волновался, как бы не дошли до Выборга слухи о чудесной лампе: строгость отца не знала границ. Но ничего не ведавший о происшествии в доме на Мойке доктор Ларионов вдруг позволил использовать лабораторию в ночное время. Так, лишившись квартиры и места для проведения опытов, Иноземцев обрел неожиданно и одно, и другое.

Настольная лампа потухла, комната погрузилась в темноту. Один серебристый лучик, тонкой нитью тянувшийся сквозь полумрак белой ночи, рисовал на стеклянных ретортах колдовские узоры.

Пробурчав что-то во сне, Иноземцев с усилием оторвал голову от тетради и неуклюже принялся шарить по столу. Опрокинул чернильницу, следом лампу. Очки канули куда-то за стол.

— Куда же вы подевались?

Голос своего он почти не услышал — в ушах стоял гул. По-прежнему мутило.

Преодолевая головокружение и проклиная темноту, он наклонился. Каждое движение отдавалось рвотным позывом, слабость сковывала и притупляла мысли. Вторая инъекция была лишней, следовало дождаться действия первой. Да-с, поторопился. Однако с тяжестью желудка в глубинах души Иноземцева воцарилось подозрительное умиротворение, похожее на апатию. Помер бы сейчас и глазом не моргнул.

Внезапно у подоконника сверкнула вспышка и тотчас погасла, словно кто-то посветил фонарем и мгновенно скрылся. Но кто в такой час стал бы лезть в окно второго этажа? Разве из любопытства помощник больничного сторожа на драконову лампу захотел поглядеть. А может, кому из больных беспокойного отделения вздумалось

прогуляться по карнизам? На первом этаже помещалось проклятое XIII отделение, которого Иноземцев боялся как огня. Не раз во сне видел, как его, связанного, в смиренных одеждах, тащат в самую дальнюю палату. Брр!

Передернув плечами и близоруко прищурившись, он стал медленно пробираться к окну. Сделал три шага, вдруг вспомнил, что надобно глянуть на хронометр, оставленный на столе. Едва успел повернуть голову, как новая вспышка озарила лабораторию.

— Что это, черт возьми? Нехорошо, Иван Несторович, нехорошо. Снова галлюцинации! В прошлый раз вы изволили видеть индийских слонов, шагающих по набережной. Но откуда в Петербурге взяться слонам? Вы полагаете, Иван Несторович, что слоны на Мойке — явление вполне естественное? Ха-ха-ха!.. Я только что говорил сам с собой? Что-то сверкает с той стороны, надо бы поднять лампу, отыскать керосин... Разумеется, это естественно, индийские слоны...

Он недоговорил и с открытым ртом уставился на темный прямоугольник окна. В кронах деревьев над крышей сарая повисло нечто — светящееся пятно, медленно принимающее очертания овала, следом звезды и вновь овала. Спустя некоторое время до Иноземцева дошло, что фигура напоминает маленького человека размером с ладонь.

— Поразительно, сколь правдоподобно, — прошептал он заворуженно.

Нечто надвигалось все ближе. Теперь светящаяся фигура стала больше, контуры отчетливее. Иноземцев заметил покрывало волос, словно сотканных из лунного света. Существо уселось на подоконник, обхватило полупрозрачными руками колени и мечтательно откинулось, глядя на звезды.

— Чудеса! — Иноземцев невольно потянулся к существу рукой.

На голос доктора видение обернулось, сверкнуло огромными кукольными глазами и вдруг оглушительно расхохоталось. Чистый, как звон хрусталя, девичий голосок. Тотчас где-то в соседнем доме заиграл рояль:

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

— Еще ведь даже не рассвело, — пробормотал Иноземцев. — Куда так рано распеваться?

Мелодия романса то рождалась прямо у окна, то отлетала к дому напротив. Вот только откуда в больничном дворе взяться роялю?

Вместе с музыкой существо воспарило под потолок, описало окружность над головой Иноземцева, с хохотом вылетело в окно к повисшему над деревьями полумесяцу, потом вернулось и стало плавно кружиться, все ближе подбираясь к отражающим свет склянкам. Наконец, осмелев, дух повис над одним из столов. Горящие глаза впились в изгибы трубочек и пузатых реторт.

А Иноземцев все смотрел на призрачную красавицу, не в силах пошевелиться, и благодарил провидение, что его в эту минуту никто не видит.

— Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг, —

напевал он в такт доносившейся мелодии, прекрасно сознавая, что природа этого видения столь же ясна, как и природа слонов из предыдущих кошмаров.

Коварная проказница, едва касаясь пальчиками ног, уже вытанцовывала поверх склянок и легонько подталкивала их. Колбы отскакивали и со звоном разлетались в воздухе.

— Стойте! Что же вы делаете? — с неподдельным возмущением вскричал Иноземцев. В страхе, что драго-

ценные растворы окажутся на полу, он дернулся было вперед, но не смог ступить и шагу. А видение, подобно восточной танцовщице, кружилось над столами, склонялось и выгибалось, волоча за собой шлейф стеклянных искорок и едких паров. Стекло маленькими разноцветными фонтанчиками разлеталось под ее крохотными пятками.

Закашлявшись, Иноземцев заслонил лицо руками. А когда отнял руки и окинул взглядом лабораторию, пришел в ужас.

Танцующая Шахерзада исчезла. Над столами метались тысячи серебряных полупрозрачных вихрей и громили все, не щадя мебели и книг. Стекло, обрывки бумаг, высушенный луносемянник, разлетевшиеся на части шкафы — все поднялось к потолку в дьявольском коловороте. Пол дребезжал и скулил, как замерзший пес, окно хлопало рамами. Иноземцев почувствовал, что проваливается в пропасть. Обессиленный, он упал на колени и вцепился себе в волосы, стараясь покончить с чудовищным сновидением.

— Довольно! — прохрипел он. — Хватит! Боже мой...

Тотчас все остановилось и рухнуло. Последняя вспышка — и полный мрак.

Ослепленный, он не мог видеть, как его рука вдруг оказалась в чьих-то теплых ладонях. Он встал и безвольно направился вперед. Наткнулся на подоконник, занес колено, потом другое... Вдруг с размаху кто-то залепил ему две оплеухи, и Иноземцев очнулся.

Полуденное солнце брызнуло в лицо. Иноземцев пребывал еще по ту сторону сознания, однако же ни секунды не сомневался, кто перед ним. Пробуждение было мгновенным, словно кто-то дернул таинственный рычаг в голове.

Распластанный на полу, он походил сейчас на рыбу, которую выбросило на берег. Доктор Ларионов склонился над ним. Себе самому Иноземцев казался ватной

марионеткой, не способной и руку поднять без воли кукловода.

Он хотел что-то сказать, но слова застыли в районе малого язычка.

— Иван Несторович, вам дурно? Что здесь такое произошло?

Оглушенный ординатор ясно слышал каждое слово. Веки его были по-прежнему смежены, но он видел лицо доктора Ларионова — до того отчетливо работала фантазия, предупреждая каждое событие следующей секунды. Как забавно!

— Вы придете в себя или позвать санитаров, черт меня раздери?

— Да-а, — медленно проговорил Иноземцев, с удивлением слушая свой голос, прорезающий вязкое пространство. Нет, даже не слушая, а наблюдая, как темно-зеленого цвета «да» тяжелой каплей падает в пробирку с синим желе.

— Что «да»? Как это объяснить? Не прошло и пяти дней, как вы разнесли здесь все в пух и прах! Так, значит, выглядят ваши ботанические опыты с травками и камушками? Кем вы себя возомнили? Сен-Жерменом? Калиостро? Напрасно я вам доверял! — Ларионов покачал головой и с глубоким сожалением добавил: — Сейчас же придите в себя и встаньте. Господи боже, что за запах здесь стоит! Что вы жгли? Лукьянов вечно ворчит на вас.

Не чувствуя рук и ног, Иноземцев повиновался. Теперь тело словно раздвоилось: одна половина изнемогала от тяжести, зато другая была подобна птице, порывиста и легка.

Не понимая, как в нем уживаются два человека, больной и здоровый, Иноземцев добрался до своего стола и пришел в удивление, обнаружив, что тот перевернут.

— Кто поступил так с моим рабочим столом? — с самым видом возмутился он, проигнорировав вопросы за-